

О РАСКУЛАЧЕННЫХ — ПЕШКОВОЙ Е. П.

Крестьяне-единоличники из Смоленской области. В марте 1931 — раскулачены и высланы на станцию Тавда Уральской области.

В феврале 1934 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью брат одного из высланных¹.

<19 февраля 1934>

«Обращаюсь к Вам, Екатерина Павловна, хотя надежды на то, что попадет к Вам в руки письмо, и что Вы его и прилагаемое прочтете очень мало.

В марте 1931 года брата моего раскулачили и его и всю его семью, состоящую из него, жены, матери и пятерых детей отправили на Урал в Васькин бор, как и многих других, где он и сейчас находится. Что они там пережили и переживают сейчас, о**<б>** этом можно узнать, только побыв там, а моему описанию Вы можете не поверить. Из прилагаемого письма, писанного им для сестры, если Вы прочтете, Вы немного узнаете о их ужасной жизни, а я от себя напишу, что, когда его взяли, то и тогда он уже был признан комиссией нетрудоспособным, а потом на месте тоже был признан полным инвалидом, жена тоже, мать, которую он уже схоронил там, была старуха, и дети были в возрасте старший 15 г<ода> рожд<ения>, 17 г<ода рождения>, 19 г<ода рождения>, 22 г<ода рождения> и 25 года <рождения>, из чего можно видеть, что все они родились в дни революции, кроме первого, который в революцию был 1,5-2 л<етним> ребенком. И всех их наказали и сослали в таких места, где они погибают, а одна уже умерла голодной смертью нынешнюю весну, старший, которого сразу же в то время 15 л<етнего> заставили работать на лесовыкатке, получил чахотку и теперь кашляет кровью. Несколько раз на месте объявляли, что нетрудоспособных отпускают, он, т<о> е<сть> брат, писал нам всем родным, и мы собирали все деньги в одни руки, и один из нас выезжал за ними как поручитель, и только выехав второй раз, отпустили двоих младших детей, которые в данное время находятся один в Москве у сестры, другой у меня, учатся и питаются с нами и избавлены от той тяжелой горькой участи, которую терпят оставшиеся.

Три года есть хлеб с травой и листом сушеным и то не в досталь. Животные во много раз лучше питаются.

А мальчику в 17-18 лет, чтобы заработать паек в 750 гр<амм>, будучи в чахотке, кашляя кровью, нужно из сил выбит<ь>ся, а приготовить 14 куб<ов> на пару, и так как он обессиленный работой и болезнью не в состоянии этого сделать, то получает только 400 гр<амм>.

Пускай наказаны родители-кулаки, но дети. За что? Живы они все еще только потому, что мы, их родные, отрываем у себя заработанный трудом кусок хлеба и посылаем им. Но велика ли наша помощь, и поэтому все травяные лепешки и лепешки. Чтобы все описать, много нужно истратить бумаги.

Екатерина Павловна!

Помогите! Обратите внимание на поселок высланных, я пишу про одного, а их там тысячи, и я прошу не про одного своего брата, а прошу вообще обратить Ваше внимание на это забытое место. Ведь там было около 14 тысяч, а как видно из письма, половина избушек пустует, так как масса вымерли целыми семьями, ну а сильные бежали.

Это забытое место ст<анция> Тавда, Уральской обл<асти>, Васькин бор»².

¹ Расставлены знаки препинания в письме.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1096. С. 42-44. Автограф. Письмо без подписи и без обратного адреса, число и место отправки проставлены по штемпелю на конверте.

К заявлению было приложено письмо его брата, высланного вместе с семьей на станцию Тавда, отправленное родным³.

«29 января.

Дорогие наши родные Ниночка, Шура и доченька. Вчера получили ваше письмо наши дорогие родные. Родная, зачем ты пишешь<ь>, чтобы мы не обижались, что на леднее время ничего не выслали. Родные мои, нам и так слишком тяжело, что на вашу долю выпала такая тяжесть и забота через нас. Ведь мы понимаем и сознаем, сколько лишних трудов и забот чрез нас, если бы не мы, вам, наши дорогие родные, жилось бы в сто крат легче и не приходилось бы нести столько лишнего труда. Крепитесь. Храни вас Мать Божия и вознагради вас своею милостью, ведь вы в полном смысле живете не для себя — себя совершенно забываете. Господи, кончатся ли когда дни этой скорби и лишений. Родные мои, хочу поделиться с вами скорбью, только ради Бога не подумайте, что я хочу этим еще большей просить помощи, нет, тысячу раз нет, пишу истину, но хочу излить свою наболевшую скорбь, думая как и в былое время, когда поделиш<ь>ся, поговориш<ь> откровенно, будто полегчает, слишком уж тяжелые мысли лезут в голову. Насколько мы покойны за Ленушку и Колечку, настолько скорбим и болеем через Марусю и Шурилку. Господи, вот страдальцы-то. Если бы мы не помогали им из присылаемых вами, наши родные, посылок, они окончательно бы погибли. Господи, зачем издевательство такое над молодыми силами. Маруся, например, чтобы ей выкупить нещасный суп, а за него нужно заплатить 50 коп<еек> в день, продает пайку хлеба, и тогда живет опять три дня. Ну пускай Маруся, эта хотя теперь в тепле, а Шура, нещасный молодой человек, вечно в лох<м>отьях, вечно грязный голодный, а в довершение всего больной, ведь это факт, кашляет кровью, я уже подробно рас<с>просил у его товарища по работе. Господи, неужели еще ждет нас жестокое испытание, нет больше кажется, силы не выдержат, хотя человек со всем смиряется. И теперь его перевели на лесовалку, с погрузки сняли, работает с темнаго до темнаго, идти нужно с Тавды до лесу 5 километров и обратно, работают с выработки, нужно приготовить 14 кубометров на пару и тогда только могут получить по 750 грам<м> хлеба, но они совершенно обезсилившие, вырабатывают только 500 грам<м> и то не всегда, а больше 400 гр<амм>, потому что совсем обезсилили, только немного и поддерживаются посланным нами, а сами мы вечно голодны, про себя забываем. Господи, душа раздирается, ничего бы не хотелось как покушать досыта. Родная моя, не подумай, что этим я хочу выпросить еще больше помощи от вас, нет, мои родные, пусть Господь будет свидетель. Поверьте, сколько мы получаем от вас, присылает Вася, изредка получаем хоть маленькие посылочкы и от Зиночки, но ни разу даже на праздник не выбрались хотя по пресной лепешки но спечь с одной муки, все с примесью сушонки, а мука только для склейки, только и было лакомства ваши сухарики, фунта три было (все берег для себя, что последнее время опять стал сильно страдать желудком), но 4 дня назад послал ребятам вместе с травничками, пусть они хоть чуть подержатся, послал крупы, присланных Васей. Что бы с нами было, наши родные, если бы не ваша помощь в прошлом году, давали крупы, рыбки, хоть изредка сахарцу, а нонче кроме нещасного паечька хлеба ничего, и в добавок в деревню не пускают, хоть бы подушки снесли, нет пропуска. Шуры 6 месяцев не дают денег, да и не только Шуры, а и некому, продукт стали дешеветь, хлеб стал уже 50 рублей, но денег нет ни у ково, дадут изредка 5 руб<лей>, то по 10 руб<лей>, только заплатить в столовую.

³ Расставлены знаки препинания в письме.

Пишу, слезы душат, сдерживаюсь, не хочу мараить письма, кричал бы, кричал, зладею полжизни бы отдал хоть риз или два в неделю быть сытым. Господи, за что такое испытание. Люди мрут, многие стали тенями, но есть и сщастливчики, которые и здесь сумели устроить свою жизнь. Многие наши смоленцы вымерли полными семьями, многие удрали неизвестно куда, так что у нас в колонии половина домов пустует, даже больше чем половину. Будыкин уехал, хотя тому и здесь жилось не худо, сумел и здесь окопаться. Анисим Зуев зять тоже уехал, и пишут уже письма из Шайтровщины, обещают устроить их. Из Белого ничего не получаем, старики по слухам живут очень плохо, дети все разъехались и совершенно забыли про их существование. Это нам передавала Бодрова Мария Ивановна, ей пишут, вернулся Иван Федорович Гончуков, Ив<ана> Сер<геевича> Сухобоков<а> восстановили в правах гражданства, и работают в колхозе, а также вернулся и Шкутков, тоже работает в Горловском колхозе. Будет ли конец когда нашим страданиям. Шура, родной мой, напиши как твои дела, скор<о> ль ты вздохнешь<ь> легко от всего пережитова и переживаемова.

Крепитесь, наши дорогие родные.

Молимся за вас, чтобы Господь помог хотя вам перенести все тяжести, выпа<в>шие на вашу долю. Наши родные, доченька пиши, поцелуй крепенько своих крестных, будь им Ангелом утешителем, разсеивай их грусти своим детским лепетом, не давай им волноваться и грустить.

Пишите, мои родные, в письмах одно утешение и отрада. Аня сидит рядом, клеит лапки и ревет, вовсе всю душу вытянула. Храни вас Матерь Божия, наши дорогие родные, крепитесь, не падайте духом. Крепко, крепко целуем. Ваши К. и А.»⁴.

На письме — три пометы юридического отдела:

«Для ознакомления. 27/II».

«Выписку в ГПУ. 5/III-34».

«Передано. 16/IV-34».

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1096. С. 42-44. Автограф.